

Любовь Бугаева

Наука воспитания «НОВОГО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА»:

КОММУНА В ЖИЗНИ И НА ЭКРАНЕ¹

Lyubov Bugaeva

Educating the New Soviet Man: Labor-Education Commune in Life and on Screen

Любовь Бугаева (СПбГУ, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета; доктор филологических наук) ldbugaeva@gmail.com.

Lyubov Bugaeva (Dr. Habil.; Associate Professor, Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, St. Petersburg State University) ldbugaeva@gmail.com.

Ключевые слова: новый человек, трудовая коммуна, ликвидация беспризорности, ОГПУ, *Путевка в жизнь*, педагогические эксперименты, Джон Дьюи

Key words: new man, labor-education commune, liquidation of child homelessness, Joint State Political Administration, *Road to Life*, pedagogical experiments, John Dewey

УДК: 77+93+37

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_80

UDC: 77+93+37

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_80

В статье рассматривается «фабрика людей» — детская трудовая школа-коммуна ОГПУ в сложном переплетении жизни, литературы и кинематографа, а также педагогические принципы, российские и американские, на которых строился советский эксперимент по созданию «нового человека». Представляется, что детская трудовая коммуна 1920-х — начала 1930-х годов, по иронии судьбы созданная одной из самых жестких организаций Советского государства, была неким «островком свободы», на короткое время воплотившим самые смелые стремления и замыслы американского прогрессивного образования и дореволюционной российской педагогики. Разумеется, трудовые коммуны ОГПУ не создали «нового человека», тем не менее они попытались это сделать.

The paper explores the OGPU's children's labor-education commune by examining the intricate interactions of life, literature, and cinema, as well as the pedagogical principles, both Russian and American, which underpinned the Soviet experiments in "creating the new man." It argues that the children's labor-education commune, created, ironically, by one of the most feared and rigid controlling organizations of the Soviet state, was an "island of freedom" that for a short period of time embodied the most audacious aspirations and ideas of American progressive education and pre-revolutionary Russian pedagogy. The labor-education communes did not create a "new man," but they certainly tried.

У вас о новом-то человеке говорят да пишут, а мы вот практически пробуем помочь ему вырасти.

М. Горький (1928—1929)

1920-е годы в Советской России были временем смелых педагогических экспериментов, ставивших целью воспитание «новых советских людей» из бывших малолетних преступников и беспризорников. Площадкой для реализации этих

1 Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00414 («Советское сегодня: Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990—2010-е годы»).

экспериментов стали трудовые школы-коммуны, создание которых инициировало Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), главная политическая спецслужба молодой Советской республики, которая и возглавила эти эксперименты. Удивительно, но создание «нового человека» в коммунах ОГПУ во многом основывалось не на доминирующей идеологии, а на дореволюционной российской экспериментальной педагогике, на американских идеях прогрессивного образования и философии образования американского философа-прагматиста Джона Дьюи. Литература и кинематограф попытались схватить сущность экспериментов по воспитанию «нового человека» и передать в книге и на экране энтузиазм построения нового мира. Фильм Николая Экка «Путевка в жизнь» (1931) о борьбе с беспризорностью в 1920-е годы и о первых месяцах существования трудовой коммуны для малолетних преступников, созданный по заказу ОГПУ, — одна из этих попыток.

В статье рассматривается «фабрика людей» — детская трудовая школа-коммуна ОГПУ в сложном переплетении жизни, литературы и кинематографа, а также педагогические принципы, российские и американские, на которых строился советский эксперимент по созданию «нового человека». Представляется, что детская трудовая коммуна 1920-х — начала 1930-х годов, по иронии судьбы созданная одной из самых жестких организаций Советского государства, была неким «островком свободы», на короткое время воплотившим самые смелые стремления и замыслы американского прогрессивного образования и дореволюционной российской педагогике. Разумеется, трудовые коммуны ОГПУ не создали «нового человека», тем не менее они попытались это сделать.

Советская школа как туристический объект

Происходящее в 1920-е годы в Советской России в разных сферах жизни общества вызывало в мире неподдельный интерес, и зарубежные гости — педагоги, ученые, философы, писатели и т.п. — устремились в Советский Союз. Как отмечает Майкл Дэвид-Фокс, «“паломничество в Россию” в период между двумя мировыми войнами — одно из самых печально известных событий политической и интеллектуальной истории XX века» [Дэвид-Фокс 2015: 19], ознаменовавшее период интенсивного культурного и интеллектуального взаимодействия между Советской Россией и западными странами. Советские газеты запестрили сообщениями о приезде иностранных деятелей науки и искусства. Так, июльские газеты за 1928 год проинформировали читателей, что «в Ленинград прибыла группа из 31 американского ученого, возглавляемая вице-президентом американской Академии наук Жаном Дью» [Известия 1928].

«Жан Дью» — это американский философ-прагматист, психолог и педагог-теоретик Джон Дьюи, изложивший свои взгляды на образование в ряде работ, многие из которых были переведены на русский язык. В конце 1920-х годов Дьюи вошел в совет директоров созданного в 1927 году Американского общества культурных отношений с Россией (а вовсе не Академии наук, как писали «Известия»), а в 1928 году по приглашению народного комиссара просвещения Анатолия Луначарского отправился в Советский Союз для знакомства с советской системой образования. Для Дьюи посещение Советского Союза — это посещение «революционного мира», перед приездом в СССР он побывал в Мек-

сике, Китае и Турции. Небезызвестное Бюро расследований (позднее переименованное в Федеральное бюро расследований) поспешило заклеить как пособников коммунистической пропаганды и созданное накануне общество, заинтересованное в развитии культурных отношений с Россией, и возглавившего это общество Дьюи, и всю американскую делегацию [State Department 1928]. В Советской России, напротив, американскую делегацию ждали с нетерпением. Маршрут поездки, спланированный Наркомпросом: Ленинград — Москва; цель: «ознакомление с постановкой учебно-воспитательного дела в СССР» [Известия 1928].

20 июля 1928 года Дьюи посетил прием Всесоюзного общества культурной связи с границей, на котором присутствовал А.В. Луначарский. Народный комиссар просвещения был крайне заинтересован в практическом использовании педагогических идей Дьюи: ориентируясь на американскую систему образования, он искал себе в союзники авторитетных педагогов. Луначарский связывал стоящую перед молодым Советским государством задачу по созданию «нового человека» («...нового, ибо воспитание для нас означает воспитание именно нового человека, поскольку старый человек, воспитавшийся в хаотическом и акультурном капиталистическом обществе, является неудовлетворительным» [Луначарский 1976а: 274]) с развитием школьной образовательной системы: «Поскольку мы говорим о создании нового человека, совершенно ясно, что перед нами с точки зрения *сознательного влияния на ход воспитательного процесса* выступает как одна из основных задач наша школа. Владимир Ильич говорил, что именно на арене школы мы переделаем старый мир» [Там же: 282]. По мнению Луначарского, создание «нового человека» требовало не только самообразования, но и «самовоспитания масс», а потому необходима была не только педагогика, нацеленная на передачу учащимся знаний, но и то, что Луначарский называл «антропологией, то есть человековедением» [Луначарский 1976б: 55]. В школьной системе первый нарком просвещения продвигал комплексный метод, который наряду с описанием «как готовить пищу» давал «великолепные уроки и по химии, и по физике, и по ботанике, и по зоологии, и по гигиене, и по физиологии» [Луначарский 1976в: 101]. Первый нарком здесь имеет в виду американский метод проектов, предполагавший коллективную работу над проектом, которую дети планировали самостоятельно при минимальном вмешательстве педагога. Адвокатом метода проектов в Советской России выступил еще в 1905 году Станислав Теофилович Шацкий, а после публикации в 1918 году книги ученика Дьюи Вильяма Килпатрика «Метод проектов», в 1920-е годы переведенной на русский язык и изданной в СССР, начались широкое увлечение этим методом и попытки использовать его в реформе школы, за что, к примеру, последовательно выступал историк и педагог Виктор Николаевич Шульгин.

Дьюи, которому во время визита в СССР было 68 лет, с интересом знакомится с организацией советской школы и с жизнью в советском обществе². Советская Россия потрясла Дьюи, увидевшего в происходящем в стране энергию, дух экспериментаторства, некое почти религиозное чувство, напоминающее энтузиазм и религиозный подъем первых американских переселенцев. В первой главе книги «Впечатления о Советской России», написанной в 1928—1929 годы

2 Подробнее об этом см.: [Martin 2002: 354].

по следам поездки, Дьюи поделился своим пониманием революции, в которой увидел изменение не общества, а мышления человека в отношении «к нуждам и возможностям жизни» [Дьюи 2000: 225]. Отсюда вывод американского философа, к которому он приходит после посещения Ленинграда (первая глава книги носит название «Ленинград дает ключ к разгадке»): «...революция, несомненно, была огромным достижением, а коммунизм — не меньшим прорывом» [Там же: 243].

Дьюи считал, что новое сознание, рожденное в результате революционных преобразований, нужно, как и растение, культивировать³: «Может быть, из всего того, что происходит сейчас в России, главное — не попытка экономических преобразований, а стремление использовать эти экономические изменения в качестве средства для развития культуры народа, особенно эстетической, в таких масштабах, каких мир еще не знал» [Там же: 234]. Американского философа привлекала возможность увидеть своими глазами «культивацию» этого нового сознания. Эту возможность он получил во время посещений детской трудовой колонии под Ленинградом и опытных станций Наркомпроса в Москве и в Калужской области. Особенно поразила Дьюи коммуна «Красные зори»⁴, расположившаяся под Ленинградом в бывшем дворце великого князя Михаила, начальником которой был биолог, бывший летчик, боец Красной армии Игнатий Вячеславович Ионин:

Нигде в мире я не видел так много разумных, счастливых, умно занятых делом детей. <...> На меня произвело впечатление не столько то, что они делали, сколько их поведение, отношение ко всему происходящему, — я не могу его передать, просто не хватает литературного мастерства, но впечатление сохранится навсегда [Там же: 233].

В советской школе, и в школе-коммуне в частности, Дьюи увидел воплощение либеральных прогрессивных идей, причем даже более полное, чем в его родной стране.

Экспериментальный проект ОГПУ: школа-коммуна

Трудовая коммуна, так поразившая воображение Дьюи, — проект, родившийся в ОГПУ и реализуемый чекистами. За ним наряду с именами педагогов стоят имена «железного Феликса» — Феликса Дзержинского, считавшего решение проблемы беспризорников первоочередной задачей ОГПУ, и Генриха Ягоды. Комиссар государственной безопасности Генрих Ягода, фактически возглавлявший ОГПУ после смерти Дзержинского и болезни его преемника, был активным сторонником идеи «перековки» — переделки, изменения сознания и преобразования бывшего преступника в «нового советского человека». Как от-

3 В оригинале Дьюи использует выражение *a popular cultivation* ('культивация') [De-wey 1984a: 213].

4 Коммуны в СССР посещали многие иностранные гости. Так, в 1931 году Бернард Шоу посетил Ирскую коммуну им. Ленина, где жили американские переселенцы, и Болшевскую колонию. Нильс Бор, трижды приезжавший в Россию, еще в свой первый проезд в 1934 году посетил исправительно-трудовую колонию ГПУ под Москвой. См., например: [Margulies 1968; Soboleva, Wrenn 2012].

мечал Максим Горький, приятельствовавший с Ягодой еще с дореволюционных времен (они познакомились в Нижнем Новгороде) и обсуждавший с ним в письмах⁵ и в личных беседах (во время своих приездов в Москву в 1920-е годы) проблемы воспитания подрастающего поколения, «этим трудным делом занимаются “чекисты”, те самые “страшные чекисты”, которых буржуазия всех стран изображает как людей, лишенных всякого человеческого подобия», и только искусство будущего сможет достойно осветить их «удивительную культурную работу» [Горький 1953: 509]. Горький называет их «реалистами», а их работу по перевоспитанию — «безумием реалистов». Позднее, в 1930-е годы, когда от пафоса создания «нового человека» останется только пустая форма, «перековка» станет распространенным названием газет, выходивших в сталинских лагерях.

В 1920-е годы Ягода, развивая идею «перековки», следовал решениям правительства РСФСР, принявшего в марте 1926 года Положение о борьбе с беспризорностью, а в сентябре утвердившего трехлетний план борьбы, согласно которому детская беспризорность должна была быть ликвидирована в самое ближайшее время. Как отмечал Дзержинский, возглавивший экстренно созданную при ВЦИК РСФСР Комиссию по улучшению жизни детей (Деткомиссию), «забота о детях есть лучшее средство истребления контрреволюции» [Дзержинский 1921]. Впрочем, борьба с беспризорностью совместными усилиями ЧК и Наркомпроса проводилась и до этого указа. Еще в 1919 году были созданы школа-коммуна «Красные зори» под руководством И.В. Ионина и трудовая колония для несовершеннолетних правонарушителей близ Полтавы под руководством А.С. Макаренко, в 1921 году переименованная в Колонию имени Горького. В 1924 году под Москвой была образована Болшевская трудовая коммуна, директором которой был назначен кадровый чекист, сотрудник ОГПУ, комиссар госбезопасности Матвей Самойлович Погребинский, а первыми коммунарами стали 50 трудных подростков от 13 до 17 лет, каждый с криминальным прошлым и тюремным сроком⁶. В 1927 году под эгидой ОГПУ под Харьковом была образована Коммуна имени Ф.Э. Дзержинского, начальником которой был назначен переведенный в Харьков А.С. Макаренко.

В 1936 году жена Ягоды Ида Авербах, выступившая адвокатом повсеместного создания трудовых лагерей для взрослых преступников с целью их «перековки», напишет, что «общая обстановка “бытия”, общая схема производственного процесса в лагерях носят уже в самих себе ряд объективных возможностей для решения кажущейся с первого взгляда неразрешимой, как квадратура круга, задачи переделки сознания деклассированных и классово враждебных элементов, перековки их в тружеников социалистического общества» [Авербах 1936: 24], в результате эти элементы «перековываются» «в кузнице сознательного производительного труда, соединенного со всеми формами и методами культурно-воспитательного воздействия» [Там же: 5]. Практика сталинских лагерей в 1930-е годы, разумеется, в корне отлична от практики детских школ-коммун, можно сказать перевернута. Риторика же рассказов о них заимствована именно из нарративов 1920-х годов о школах-коммунах, чему в немалой

5 Переписка М. Горького и Г. Ягоды началась в 1928 году и продолжалась до 1936 года [Горький 1994].

6 О Погребинском и его деятельности см., например: [Коммуна 2012: 23—39; Горький и др. 1936].

степени способствовали красочные изложения эксперимента по перевоспитанию малолетних преступников «ликвидаторами беспризорности» — М.С. Погребинским, И.В. Иониным и А.С. Макаренко.

Воспитание в трудовых коммунах, созданных ОГПУ, строилось на нескольких основных принципах. Построение коммуны мыслилось в первую очередь как создание активного сообщества единомышленников. Добровольность и самостоятельность утверждались как основные принципы коммуны с самых первых дней ее существования. Добровольность нахождения в коммуне, собственно, и есть ее главное отличие от исправительной колонии и неперемное условие нахождения в ней коммунаров: «... в коммуны приход добровольный и уход добровольный, никаких решеток, никакой охраны. Двери всегда открыты» [Погребинский 1929: 8]. Добровольность, в свою очередь, предполагала ответственность: «... все, что для них делается — дается в долг — ничего даром получать они не будут. В зависимости от того, как они будут работать и будет строиться их благополучие» [Там же]. Коммунары контролировали дисциплину в коммуне и в случае необходимости решали на общем собрании, какие дисциплинарные меры применить к нарушителям. Более того, даже отбор будущих коммунаров из тюрем, лагерей и пересыльных пунктов проводили сами коммунары.

Среди других важных правил — всеобщая занятость полезным трудом. Трудовые коммуны выступали самостоятельными хозяйственными единицами: коммунары занимались сельским хозяйством, пчеловодством, различными ремеслами. Так, в 1932 году в Харьковской трудколониим. Дзержинского, которой руководил Макаренко, началось производство фотоаппаратов ФЭД (названных в честь Феликса Эдмундовича Дзержинского), корпус которых первое время украшала аббревиатура НКВД, напоминая об инициаторах данного почина. Выступая на общем собрании коммунаров Болшевской коммуны, Г. Ягода говорил: «Вы хотите хорошо жить? Вы будете хорошо жить! <...> У вас будут школы, лечебницы, магазины — все. Сумейте создать. Сумейте добиться всего этого своим трудом» [Горький и др. 1936: 195]. Посетивший Трудовую коммуны ОГПУ им. Дзержинского в Николо-Угрешском монастыре Горький был поражен разнообразием производственной деятельности коммунаров (пошив обуви, изготовление кроватей, кулинарное производство и выпечка хлеба, столярные и камнетесные работы), а главное — тем, что среди всего этого находилось место для творческих фантазий [Горький 1952: 157—158].

«Красные зори» за девять лет своего существования до визита американского философа в результате внедрения политехнического принципа в образовательный процесс превратились в многоотраслевое самокупаемое хозяйство, где колонисты занимались огородничеством, животноводством, птицеводством, пчеловодством, семеноводством и даже участвовали в киносъемках⁷. Работали под девизом: «Сделаем наше учебное хозяйство образцовой лабораторией политехнической школы»⁸. Ионин гордился созданной им системой

7 В 1924 году И.В. Ионин с женой написали сценарий учебного фильма «Золотой медок» о том, как коммунары разводят пчел, на основе которого был даже снят фильм «Красные зори» о трудовой жизни коммунаров.

8 Подробно об организации производства в колонии см., например: [Ионин 1924]. Под псевдонимом «И.О. Нин» был напечатан рассказ И.В. Ионина «Почетный диплом», герои которого, ребята-пионеры, в финале рассказа получают почетный диплом за «работу по развитию животноводства в колхозе, выразившуюся в охране кормового клина» [Нин 1931: 38].

«производственного естествознания», где учащиеся каждый год, переходя в следующий класс, приобщались к новому виду сельскохозяйственной деятельности (например, птицеводством занимались в четвертом классе, а семейным животноводством и пчеловодством — в седьмом). Он был убежден, что трудовая коммуна есть эффективный способ воспитания «новых людей», именно та «кузница», в которой они создаются. Именно так — «кузница новых людей» — была названа колония в газетной статье, посвященной пятнадцатилетнему юбилею краснотельской коммуны [Ленинские искры 1934]. Аналогичную мысль о «новом человеке» как мастере своего дела высказывал и Горький в очерке «По Союзу Советов»: «Нет, я не против героической фантастики старых сказок, я — за создание новых, таких, которые должны перевоспитать человека из подневольного чернорабочего или равнодушного мастерового в свободного и активного художника, создающего новую культуру» [Горький 1952: 181]. Воспитатели, стремясь приобщить коммунаров к созидательному труду, ориентировались на способности и таланты малолетних правонарушителей, которые те использовали в криминальных целях в докоммунарской жизни. Аналогичный принцип опоры на уже имеющиеся таланты будет потом позиционироваться как эффективный метод приобщения к труду заключенных в трудовых «сталинских» лагерях — Соловецком, Дмитровском и т.д., — хотя на деле он окажется неэффективным. В коммунах же этот принцип работал.

Горький связывал рождение «нового человека» с предварительным очищением от прошлой жизни: «Человека надо обновить. Если опаршивеет — своди его в баню, — вымой, надень чистую одежду — выздоровеет! Так! А как же изнутри очистить человека? Вот!» [Горький 1950: 239]. Описывая свои первые впечатления от встречи с беспризорниками во время путешествия по «Союзу Советов», Горький делает акцент на мытье, которое в его глазах есть первый шаг к преобразению. Превращение малолетних преступников в сознательных строителей светлого будущего мыслилось как эксперимент, наподобие физического, химического или естественно-научного опыта, а сами подростки — как человеческий материал, в этом опыте задействованный. Именно так, как материал, причем «не особенно удачный», определяет первых коммунаров Погребинский. Горький также говорит о коммунарах как о биоматериале, при этом — несмотря на тяжелую беспризорную жизнь, а отчасти благодаря ей — материале довольно хорошего качества, что и позволяет переделать беспризорников в «новых советских людей». Горький видит в этом результат «естественного отбора наиболее выносливых», ибо «слабые, отравленные кокаином и алкоголем, разрушенные преждевременной сексуальной жизнью, — уже погибли» [Горький 1933: 22—23]. Аналогичным образом Горький характеризует воспитанников Куряжской трудовой колонии Макаренко: «Дети с дурной наследственностью и неустойчивые пред соблазнами улицы, очевидно, уже погибли, остались только вполне способные к самозащите, к борьбе за жизнь, крепкие ребята» [Горький 1952: 165]. Интересно, что пополнение коммуны новыми членами предполагает внимание к «качеству» материала: коммунары, которые сами отбирали новичков, старались брать «лучших, наиболее здоровых и ловких» [Погребинский 1929: 10]. Здоровое тело оказывается в результате важным залогом «здорового духа» и трудовых достижений: «Шутка

9 В 1920—1930-е годы «Кузница новых людей» — словесный штамп для описания деятельности по «перековке». См., например: [Отводный 1932; Ленинские искры 1934].

сказать — десять лет Валька сроку имела, в бандитской шайке участвовала, хотя семнадцать лет от роду. От “высшей” отбоярилась только по малолетству, а теперь токарь — 108 руб. зарабатывает, потому что здорова и способна» [Там же: 32]. Символична в этом плане оговорка Ягоды во время выступления в Болшевской коммуне, что в «счастливой социалистической стране» не будет «голодных, нищих, уродов» (курсив мой. — Л.Б.) [Горький и др. 1936: 194].

«Ленинградская правда», подводя итоги пятнадцати лет жизни коммуны «Красные зори», подсчитала, что из коммуны вышли «6 научных работников, 14 инженеров, 6 врачей, 6 партийных работников, 7 командиров Красной армии, 27 педагогов и т.д.» [Ленинградская правда 1934]. Результаты проведенного педагогического эксперимента по оздоровлению и «переделке» беспризорников впечатлили даже самих организаторов-чекистов:

Враги злятся, а доброжелатели с восхищением и любовью смотрят на фабрику переработки людей. Не верится, а факты неопровержимы. Люди, недавно бывшие подонками общества, люди, которые прошли суровую школу борьбы за жизнь, в условиях коммуны перерождаются. ...живет и ширится эта организация — не эксперимент, а факт, подтвержденный самой жизнью [Погребинский 1929: 35].

В начале 1930-х Горький начал писать сценарий фильма «Преступники», в основу которого легли впечатления от посещения трудовых коммун. Однако замысел так и не реализовался на экране, в первую очередь из-за того, что тему переделки сознания преступника и воспитания «нового человека» в трудкоммуне поднял опередивший проект Горького фильм Николая Экка «Путевка в жизнь».

От реальности к фильму: «Путевка в жизнь»

«Путевка в жизнь» (1931, «Межрабпомфильм», режиссер Н. Экк, авторы сценария А. Столпер, Н. Экк, Р. Янушкевич, оператор Н. Пронин) — один из первых советских блокбастеров и один из первых советских художественных звуковых фильмов, рассказавший кинематографическим языком о грандиозном педагогическом эксперименте, местом действия которого стала советская школка-коммуна и — шире — Советская республика. Фильм показал борьбу с беспризорностью в 1920-е годы, создание и первые месяцы существования трудовой коммуны для малолетних преступников, которую возглавил чекист Сергеев (Николай Баталов), и первых коммунаров трудкоммуны: Мустафу по прозвищу Ферт (Иван Кырля), убежавшего из всех детских домов и пересылочных пунктов, а в коммуне ставшего лидером коллектива, и Кольку по прозвищу Свист (Михаил Джагафаров), сбежавшего от побоев овдовевшего и запившего с горя отца (Владимир Весновский). И Мустафа, и Колька до коммуны — мелкие преступники из банды Жигана (Михаил Жаров), который на протяжении всего фильма стремится вернуть ушедших в «новую жизнь» помощников (клеят бывших подельников сравнением с полицией — «ссутились», пытаются соблазнить борделем с выпивкой и «девочками», занимается вредительством на железной дороге), а в финале, потеряв надежду на их возвращение, убивает Мустафу.

На момент создания «Путевки в жизнь» Николай Экк — молодой режиссер, творческая деятельность которого началась в театре Мейерхольда и в те-

атре «МЕТЛА» («Московская единая театральная ленинская артель»), созданном им совместно с Н. Хикметом и Р. Янушкевич в 1926 году. Деятельность Экка в «МЕТЛЕ», символом которой закономерно была метла, призванная расчистить пространство для театральных экспериментов, была попыткой найти новый путь в сценическом искусстве. Артель претендовала на создание новой формы искусства, а мейерхольдовская биомеханика, которую использовали участники артели, выступала новым методом создания спектакля [Вечерняя Москва 1926]. «Путевка в жизнь», в свою очередь, стала попыткой рассказать новым языком, на этот раз не театральным, а кинематографическим, о новых формах жизни и о воспитании «нового советского человека».

Сценарий «Путевки в жизнь» первоначально был сценарием заказанного ОГПУ «культурфильма» о беспризорных детях. Н. Экк, А. Столпер и Р. Янушкевич, объединившиеся в период учебы на курсах сценаристов при «Межрабпомфильме» в творческий союз, с увлечением погрузились в материал: по словам Р. Янушкевич, они «посещали тюрьмы и другие места не столь отдаленные, побывали в нескольких детских коммунах, общались с чекистами, сотрудниками уголовного розыска, встречались на московских улицах с беспризорниками» [Янушкевич 2011: 59]. Вскоре авторы осознали, что заданная тема не укладывается в формат культурфильма, и убедили заказчиков, что «фильм будет глубоко человечным и взбудоражит миллионы» [Там же]. В результате культурфильм превратился в полнометражный художественный фильм, а о первоначальном заказе напоминала лишь фигура «железного Феликса» в финале фильма и посвящение «лучшему другу детей», которое читал, обращаясь к Дзержинскому, Качалов.

В основе сюжета — собирательная история, отразившая как опыт Макаренко, так и опыт Болшевской трудовой коммуны имени Г.Г. Ягоды и Люберецкой трудовой коммуны имени Дзержинского в Николо-Угрешском монастыре, а также роль ОГПУ в деле создания трудовых коммун. Коммунары — герои и актеры фильма «Путевка в жизнь»: все роли в фильме, за исключением главных, сыграны ими. Прототипом начальника колонии Николая Ивановича Сергеева, возглавившего процесс «переделки» бывших правонарушителей в «рабочих стройки мировой», послужил М.С. Погребинский. Впрочем, этот образ «ликвидатора беспризорности» списан и с других чекистов тоже¹⁰, в том числе с Михаила Генриховича Типографа, работавшего в комиссии по ликвидации беспризорности, который и «помог Баталову найти верный подход — “зерно” роли... брал с собой Баталова на “операции” и даже подарил ему для съемок кубанку и шинель» [Жаров 1967: 292]. Основные правила жизни в коммуне, которые ее начальник Сергеев определяет с самого начала, как ни странно, далеки от тех, которых можно было бы ожидать от работника ОГПУ. Это принципы свободы, добровольности и самостоятельности коммунаров: в коммуне нет охраны, нет ожидаемого авторитарного поведения начальника, контролирующего каждый шаг воспитанников, нет явного контроля стоящего за спиной Сергеева ОГПУ и вообще какого-либо вмешательства или давления

10 В фильме использовался опыт еще одной трудкоммуны ОГПУ, в создании которой принимал участие Погребинский, — Люберецкой, находившейся на территории Николо-Угрешского монастыря под Москвой, первым директором которой был Федор Григорьевич Мелехов, ранее работавший в Болшевской коммуне.

со стороны власти¹¹. Сергеев периодически рапортует начальству о прогрессе в деле перевоспитания бывших беспризорников, но не получает в ответ инструкций и приказов.

В фильме, как и в реальной истории болшевских коммунаров, воспитательная работа начинается с назначенной на вокзале встречи, на которую будущие коммунары, а пока что малолетние преступники, должны прийти добровольно, без сопровождения и принуждения, а затем дружно отправиться в «новую жизнь». Вор Мустафа, получивший от Сергеева деньги и задание купить в дорогу продукты, не сбегает с деньгами, напротив, возвращается с покупками, оправдав тем самым неожиданное доверие начальника, хотя сам Сергеев сомневается в успешности своего маленького педагогического эксперимента: «Уйдет или не уйдет?»¹² Погребинский, описывая аналогичный «вокзальный» эпизод, пытается представить, что чувствовали малолетние преступники, привыкшие к отношению к себе как к людям второго сорта, в этот момент превращения из «бесправного арестанта» в «человека, которому предоставляют все нужное для честной трудовой жизни»: «Но тут начинается необыкновенное: им, арестантам, вручают деньги на железнодорожный билет до коммуны, и никаких конвойных не посылают с ними. Едет только заведующий коммуной. Действительно, как будто свободные люди? Но не убежать ли? Нет, надо подождать: что-то очень непонятно; кроме того, и лестно — доверяют!» [Погребинский 1928: 7—8]. Самостоятельность коммунаров постоянно акцентируется. В фильме даже операцию по обезвреживанию главаря банды Жигана проводят не чекисты, а сами коммунары, причем без какого-либо контроля со стороны — Сергеев появляется в самый последний момент. Примечательно, что в руках коммунаров даже оказывается оружие: и Мустафа, и Колька приходят к Жигану вооруженными и стреляют — правда, не в Жигана, а в воздух.

Большую роль в экранной коммуне, как и в реальных школах-коммунах, играл политехнический принцип образования — перевоспитание трудом с опорой на умения и навыки преступного прошлого. Так, Мустафа, мастерски вырезавший прямо на улице у модно одетых дам куски меховых пальто для последующей продажи, применяет свои криминальные таланты в коммунарской сапожной мастерской. Показанная в фильме Экка переориентация Мустафы и приспособление его «талантов» к производственной деятельности не продукт фантазии режиссера, а киноиллюстрация педагогической схемы, построенной на предположении, что у профессиональных преступников «биологически однозначные механизмы поведения могут быть со своей социальной стороны повернуты напряженной и умелой работой по перековке в прямо противоположную сторону; как, поворачивая течение Волги, удастся повернуть и социальную значимость биологических механизмов...» [Авербах 1936: 32].

Перевоспитание малолетних преступников в фильме начинается с очищения от грязи. В начале фильма закадровый голос спрашивает: «Отцы и

11 Собственно, именно отсутствие контроля властей и авторитарного поведения начальника — чекиста Сергеева и вызывает критику исследователей, которые видят в фильме «прославление чекистского эксперимента», каковым являлось создание трудовых коммун. См., к примеру: [Vatulescu 2010].

12 Аналогичный эпизод описан А.С. Макаренко в «Педагогической поэме»: Макаренко доверяет получение денег для коммуны и даже револьвер Семену Карабанову (Калабалину).

матери, а если вашего, чистенького, бить, бить головой о мостовую?» Ответ на этот риторический вопрос очевиден: «чистенький» станет грязным в прямом и переносном смысле. Метафорой очищения в разных смыслах предсказуемо становится баня — обязательный элемент нарратива о рождении «нового человека»¹³. Баня соотносима с лиминальной фазой в обряде перехода, через который проходят бывшие преступники: вместе с грязью вода смывает прежнюю идентичность — осуществляется переход в новое состояние. Так, в фильме поход в баню закономерно происходит сразу же после приезда коммунаров в коммуноу, то есть перед вступлением в «новую жизнь». Не случайна и нагота подростков в этом эпизоде, намекающая на первозданную наготу и тем самым на сотворение «нового человека», которое мыслится как грандиозный педагогический эксперимент. Кадры коммунаров, весело парящихся в бане, чередуются с кадрами, где работники ОГПУ радуются телеграмме Сергеева, текст которой подчеркивает научно-экспериментальный характер произошедшего: «Из одиннадцати не ушел ни один. Опыт удался». Как в книге Погребинского и в очерках Горького, трудные подростки, показанные в фильме, — это подходящий «материал» для создания «нового советского человека». Экранные коммунары не болеют, а визитной карточкой фильма становится белозубая улыбка Мустафы и смех «постановщика эксперимента» Сергеева, обнажающий его здоровые крепкие зубы¹⁴.

Когда фильм «Путевка в жизнь» вышел в мировой прокат, кинокритик левых изданий Гарри Алан Потамкин, печатавшийся в журналах «New Masses» и «Workers' Theatre», увидел в нем воплощение новой тенденции советского кинематографа, делающего акцент не на актере, а на человеке [Potamkin 1932: 18]. Защищая картину от критики из-за низкого качества звука, критик заявлял, что фильм не сводится к техническим характеристикам, поэтому американская технология звука и не привела к всплеску производства шедевров в звуковом кино. А «Путевку в жизнь» Потамкин считал шедевром — великим фильмом, содержание которого значительно превосходит шероховатость формы. Действительно, советский фильм оказался более чем актуальным для США, переживавших период Великой депрессии. Американские подростки, как правило, из семей родителей, оставшихся без работы из-за тяжелой экономической ситуации в стране, уходили из дома и скитались по стране в поисках заработка. Появились фильмы, рассказывающие об этих скитаниях, в том числе «Дикие парни с дороги» (1934, реж. Уильям Уэллман) и «Город мальчиков» (1938, реж. Норман Таурог). Как и советские коммунары, американские подростки сами руководили сообществом: у них было «правительство», определявшее нормы поведения в коммуне, права и обязанности ее участников.

А в СССР 1930-х годов судьба фильма «Путевка в жизнь» оказалась нелегкой. По воспоминаниям Р. Янушкевич, трудности преследовали фильм с момента создания: Главрепетком и Деткомиссия ВЦИКа запретили его к показу,

13 См., например, у Авербах историю о том, как нарядчица Береговая начинает работу по «перевоспитанию» отстающей бригады с мытья рук перед обедом, а следующим шагом становится утреннее мытье шеи [Авербах 1936: 48], и описание борьбы за чистоту в Болшевской коммуне, в том числе за то, чтобы у каждого коммунара была своя зубная щетка и зубной порошок [Горький и др. 1936: 215].

14 По мнению Мейерхольда, «успех “Путевки” держится на двух улыбках — Баталова и Йывана Кырли» (см.: [Марголит 2015]).

и только фраза Сталина, брошенная им во время специально организованного повторного просмотра: «Не понимаю, что здесь нужно запрещать?» — решила вопрос с его выходом [Янушкевич 2011: 63]. Когда фильм наконец оказался в прокате, где ему сопутствовал небывалый успех (так, в московском кино-театре «Колосс» фильм шел более года), на него обрушилась критика слева (левым, в частности, считался журнал «Пролетарское кино»), увидевшая в нем «наиболее тревожные симптомы отставания от практики социалистического строительства» [Михайлов 1931: 25]. В рецензии в «Известиях» и вовсе утверждалось, что «этот фильм является нашим поражением на идеологическом фронте и демонстрирует, что тут нужны какие-то меры, ликвидирующие беспризорность этого искусства, более доступного широким массам, чем другие виды художественного воздействия» [К.Р. 1931]. Призывая к политическому контролю за кинопродукцией (призыв, вынесенный даже в название рецензии), к тому, чтобы «коммунистически продумать сюжет», критик отмечал как упущение «лирическую апелляцию к сердцам зрителей» вместо «коротких, как удар бича, обвинительных слов в адрес капитализма», а главное — то, что «борьба за перевоспитание беспризорных является делом одного человека, который добивается разрешения сделать опыт создания коммуны, в которой попытка перевоспитания беспризорных детей основана на доверии к ним» [Там же]. Рецензия, обвинявшая создателей фильма в том, что из него «выпала на девять десятых советская власть и советская общественность», знаменовала изменение политического климата в начале 1930-х годов — боязнь инициативы, самостоятельности и отсутствия контроля сверху.

Озадачивала кинокритиков популярность отрицательного героя Жигана, блатные песни которого быстро разошлись среди зрителей, а сыгравшего его актера Михаила Жарова стали узнавать на улице. Не менее озадачивала свобода, которую предоставили коммунарам директор Сергеев и, как ни странно, стоящее за его спиной ОГПУ. Тревожная реакция на фильм, как справа, так и слева, была вызвана тем, что педагогический эксперимент по перевоспитанию беспризорников проходил без строгого контроля, был инициативным проектом с далеко не всегда предсказуемыми последствиями и открытым концом. Однако то, что воспринималось критиками как самодеятельность и «робинзо-нада», на деле было результатом внедрения в коммунарскую жизнь принципов добровольности, самостоятельности, инициативы, ответственности и т.п. Именно принципы, заложенные в основу «перековки» малолетних преступников, выводят фильм «Путевка в жизнь» и изображенную в нем систему воспитания и перевоспитания преступников далеко за пределы чисто советского эксперимента, привязанного к определенному периоду в истории СССР и ограниченного территориально. Это и есть то, что связывает воспитательный проект ОГПУ с передовыми педагогическими экспериментами в США и Европе, в первую очередь с педагогикой Дьюи.

Философия Дьюи и советский педагогический эксперимент

Трудовые коммуны ОГПУ, преследовавшие амбициозную задачу создания «нового человека», учитывали дореволюционный российский опыт прогрессивного образования, в частности идеи Станислава Теофиловича Шацкого и

Александра Устиновича Зеленко. Еще до революции Шацкий и Зеленко организовали общество «Сетлемент», построенное по модели знаменитого иммигрантского поселения в Чикаго — Халл-Хауса, основателями которого были Джейн Аддамс и Эллен Гейте Старр, а также «Дневной приют для приходящих детей» и летнюю трудовую колонию «Бодрая жизнь». Интересно, однако, что и Шацкий, и Зеленко и в дореволюционный, и в советский периоды своей деятельности ориентировались на американский опыт прогрессивного образования, в частности на Джона Дьюи. Так, Зеленко несколько раз был в США, в 1903—1904 годах жил в Халл-Хаусе¹⁵, в совет директоров которого входил Дьюи, и состоял с Дьюи в переписке. Шацкий, написавший предисловия к двум изданиям Дьюи на русском языке, впервые встретился с американским философом только во время его визита в Россию — несколько дней они провели вместе на опытной станции в Калужской области (Первой опытной станции Наркомпроса). Что же в концепции образования Дьюи привлекало российских и советских педагогов, в первую очередь тех, чья деятельность была связана со школами-коммунами?

Для советской модели образования важными оказались несколько ключевых положений американского прагматизма, в первую очередь — концепция опыта, основанная на взаимодействии организма со средой, и концепция исследования как решения проблемных ситуаций. По словам Дьюи, в опыте нет и не может быть изолированного объекта или события: они всегда часть, фаза, аспект ситуации комплексного взаимодействия с окружающей средой. В основе того, как люди думают и представляют себе мир, лежит опыт, а новый опыт, приобретенный в результате взаимодействия со средой, открывает новые возможности для действия и новые перспективы.

Подобное понимание опыта стало определяющим в философии образования Дьюи. Если тело и сознание неразделимы, а опыт — результат взаимодействия организма со средой, то в задачу образования входит создание в процессе обучения проблемных ситуаций, решение которых требует взаимодействия учащегося со средой и тем самым способствует накоплению опыта и изменению субъекта опыта:

Когда ученик учится посредством «деланья», он как бы переживает снова умственно и фактически известные состояния и явления, сыгравшие важную роль в истории человечества; он проходит через тот же умственный процесс, как и те, кто действовали в известной ситуации. И потому он действует, он знает действительную ценность добытых результатов, т.е. охватывает их как реальный факт. Сообщение даже фактов еще не дает представления о ценности факта или понимания его реальности, не убеждает, что это факт — действительный факт [Дьюи, Дьюи 1918: 165].

Обучение в обязательном порядке предполагает непрерывное наращивание опыта учащимся, реконструкцию и реорганизацию опыта в результате следующих одно за другим «открытий», которые направляют и структурируют последующий опыт [Dewey 1985a: 82]. При этом включение учащегося в широкий социальный контекст, в жизнь, есть неременное условие воспитательного

15 Вернувшись в Россию из поездки в США, А.У. Зеленко основал вместе с С.Т. Шацким и Л.К. Шлегер первую летнюю трудовую колонию (лагерь-коммуна) для детей рабочих в Щелково под Москвой (1905).

процесса, так как ученик — существо социальное, а школа — это в первую очередь социальный институт, сообщество, в котором жизнь организована таким образом, чтобы научить ребенка пользоваться возможностями, предоставленными ему сообществом, в целях этого сообщества [Dewey 1897: 77—80]. Демократический гражданин создается в постоянном активном взаимодействии с обществом, в результате чего и происходит его рост — раскрытие способностей. Этот личный рост зависит не столько от существующей политической системы, сколько от образа мышления и от того, какие формы принимает взаимодействие между членами общества. Открытость, коммуникация, распространение идей гораздо более важны, чем наличие или отсутствие в обществе демократических институтов.

В советской школьной системе Дьюи увидел практическое применение идей философии прагматизма в его инструментальной, экспериментальной версии. Комплексный метод, практическое использование которого в школах, как считал Луначарский, началось благодаря Дьюи, предполагал контекстуальный подход, то есть рассмотрение организма в его взаимодействии с окружающей средой. В советском образовании конца 1920-х годов применялся также лабораторно-бригадный метод, представлявший собой вариант дальтонского плана, разработанного Хелен Паркхерст под влиянием философии Дьюи. Данный метод предполагал «обучение посредством делания», активность и самостоятельность учащихся, свободу в выборе интересующих их предметов и темпа их освоения, свободу проявления индивидуальности. Дальтон-план стал внедряться в советской школе вместо классно-урочной системы вскоре после выхода в 1923 году на русском языке книги Эвелин Дьюи «Дальтонский лабораторный план» [Dewey 1922]. На первых же страницах утверждалось, что дети — экспериментаторы, а учителя — всего лишь наблюдатели. Н.К. Крупская, написавшая предисловие к книге, выступила в поддержку свободного развития личности, не подавленной «казарменной» дисциплиной старой школ¹⁶, увидев в этом развитии основание для построения новой школы.

Дьюи восхищается советские педагогические эксперименты, а особенно осознание советскими педагогами того, что многое зависит от среды, в которой находится ученик и в которой он учится. По мнению американского философа, идеальная обучающая среда — это сама жизнь, то есть учебный процесс должен строиться так, чтобы ученик мог получать опыт и знания, как можно лучше способствующие его вхождению в общественное жизненное пространство. Побывав в коммуне «Красные зори» Ионина и на опытной станции Шацкого, Дьюи приходит к заключению, что советской системе образования это удалось [Дьюи 2000: 252]. Более того, построение жизни в трудовых школах-коммунах в Советской России как нельзя лучше отвечает философским принципам Дьюи, так как среда, в которой проходит обучение, — это среда, созданная внутри самой коммуны без влияния домашней обстановки, не всегда поддерживающей цели и задачи обучения. Соответственно, образовательный процесс в школе-коммуне лучше поддается моделированию. Американский философ увидел в трудкоммунах сообщество, основанное на общих интересах и обладающее потенциалом превращения в демократическую форму сообщества, так как де-

16 Позднее Н.К. Крупская будет критиковать бездумный перенос Дальтон-плана в советскую систему образования; постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 года осудит бригадно-лабораторный метод.

мократия, по Дьюи, — это сама идея общественной жизни со всеми вытекающими из этого следствиями [Dewey 1984b: 328].

Из поездки по трудовым колониям Дьюи увез экскурсионный дневник учеников пятого класса коммуны «Красные зори», рассказывающий о поездке в Москву, картину одного из учеников, четырнадцатилетнего мальчика, подаренную американскому гостю на память о школе, которая, как написал на обороте картины этот мальчик, «открыла мне глаза» [Дьюи 2000: 256], а также уверенность в том, что в Советской России в результате «грандиозного психологического эксперимента» создается новая форма человеческой ассоциации — экспериментальная, творческая, жизненная [Там же: 265]. Вдохновившись примерами использования и развития своих идей в Советской России, в первую очередь в трудовых коммунах (активного взаимодействия ученика со средой, обучения в процессе исследования и решения проблемных ситуаций, неразрывной связи школы и жизни, сообщества на основе общих интересов и целей, ученика как свободной творческой личности и т.п.), Дьюи заявил, что «сколь бы жесткими и догматическими ни были марксистские символы, на реальную практику куда большее влияние оказывает экспериментальный фактор», а дух экспериментаторства — это и есть то, что «отмечает русских школьных лидеров в сравнении с педагогами других стран» [Там же: 267]¹⁷.

Впрочем, история, причудливым образом связавшая США и Советскую Россию, философию образования Дьюи и советский педагогический эксперимент, реальность трудовых коммун и фильм о трудовых коммунах, с возвращением американской делегации в США не закончилась. После премьеры на организованном Муссолини первом Венецианском кинофестивале (1932), где зрители назвали Экка лучшим режиссером, фильм «Путевка в жизнь» был показан в 107 странах и куплен 26 странами. В США картина почти год шла в кинотеатрах. Прокатом «Путевки в жизнь», как и других советских фильмов, в это время занималось «Амкино», специальное агентство, созданное в Нью-Йорке в 1926 году и за 13 лет своего существования показавшее в США более 160 советских фильмов. Несколько месяцев подряд фильм шел в самом центре Нью-Йорка на Таймс-сквере — в кинотеатре «Камео», вмещавшем 600 зрителей.

В советской прокатной версии картина начиналась с пролога в исполнении актера МХАТ Василия Качалова. В конце пролога о воспитании беспризорников говорилось как об их переделке — «переплавке» в рабочих «нового мира»: «Мы беспризорников научим в *новый мир* пробиться грудью. Мы *переплавим* их в рабочих стройки мировой» (курсив мой. — Л.Б.)¹⁸. В мировом прокате фильма «слово от автора», которое необходимо было перевести на другой язык, закономерно претерпело изменения, и текст читал, разумеется, не Качалов. Крайне интересен выбор «голосов». В немецком прокате вступительное

17 Возможно, Дьюи «обманулся в своих ожиданиях», но «не потому, что был непрозорлив или зашорен своей философией, а потому, что был рационален. Имевшиеся шансы не были использованы в силу иррациональных причин — волюнтаристских решений власти, следования идеологическим догмам, насаждения атмосферы страха и т.п.» [Юлина 2000: 272].

18 В восстановленной и отредактированной версии фильма, сделанной при участии Н. Экка в 1957 году, нет этих строк. Индустриальная лексика — «переделка», «переплавка», «переплавка», — характерная для первых послереволюционных лет, уходит из стандартного нарратива о воспитании советского человека.

слово произносил Эгон Эрвин Киш, чешско-немецкий журналист и писатель, коммунист, один из основателей коммунистической партии Австрии. В американском прокате — Джон Дьюи. Американский философ не читает перевод пролога русской версии фильма, а своими словами передает основные его идеи, делая акцент на образовании. Явно опираясь на свои впечатления о трудовых коммунах, Дьюи называет картину «поучительным уроком того, как через свободу, сочувствие, работу и игру малолетний преступник может искупить свои грехи, уроком, который нам тоже следует усвоить» [Bowen 1965: 4].

Заключение

В 1928 году Дьюи и члены американской делегации еще застали пафос «переделки» сознания преступника и создания «нового человека». Они увидели школу-лабораторию, экспериментирующую с методами обучения, предоставляющей ученикам свободу и инициативу. Для американского философа все увиденное в Советской России предстало как «гигантский психологический эксперимент по трансформации мотивов, управляющих человеческим поведением» [Дьюи 2000: 262]. Впрочем, хотя участники американской делегации и увидели в советской системе образования интересную попытку воспитать «нового человека», они не были уверены, что это приведет к воспитанию демократического гражданина в том смысле, который вкладывал в это понятие Дьюи. Так, Томас Вуди, опубликовавший по итогам поездки книгу под названием «Новое сознание: новые люди?» [Woody 1932], показал зарождение и существование в советской школе наряду с педагогическими экспериментами элементов диктатуры. Дьюи советовал внимательно изучить эту книгу тем, кто увлечен коммунизмом [Dewey 1985b: 293—294].

Образование по Дьюи всегда экспериментально, однако трудовые коммуны выделяются на фоне других педагогических экспериментов. Коммуна формировалась под влиянием целого ряда идей, пришедших из разных, казалось бы не связанных и не связываемых, источников: дореволюционной педагогики, кампании по ликвидации беспризорности, философии опыта Дьюи и его учения о взаимодействии организма и окружающей среды. Коммуна была сложным явлением со своим набором законов и правил; среди ее воспитанников были как рабочие, так и инженеры, ученые и художники. Примечательно, что идея экспериментального и практического образования оказалась больше личных амбиций чекистских организаторов школ-коммун. Именно коммуна как образовательная модель оказалась более успешной в создании продуктивной атмосферы, чем многие школы, не основанные на коллективном образе жизни. Трудовая коммуна была примером прогрессивного образования в СССР, но и не только. Это была новая форма жизни. Во «Впечатлениях о Советской России» Дьюи, в фильме «Путевка в жизнь» Экка и литературных опытах «ликвидаторов беспризорности» Советская Россия конца 1920-х — начала 1930-х годов предстает разворачивающимся во времени и пространстве экспериментом, в ходе которого создавался «новый человек».

Период педагогических экспериментов в Советской республике, однако, оказался недолгим. 5 сентября 1931 года ЦК ВКП(б) приняло постановление «О начальной и средней школе», сделавшее обращение к американским моделям прогрессивного образования невозможным. В частности, метод про-

ектов подвергся открытой критике как ведущий «к разрушению школы» [КПСС в резолюциях 1984: 356]. В 1930-е годы коммуны уже не вписываются в административно-командную систему — их или закрывают, или реорганизуют в фабрично-заводские училища, не обладающие и малой степенью той самостоятельности, которая характеризует коммуны в проекте ОГПУ. В 1937 году, когда в НКВД началась чистка, был арестован начальник колонии «Красные зори» И.В. Ионин, после чего колония просуществовала еще несколько лет и в 1941 году была окончательно расформирована. В 1937 году застрелился Погребинский, что, как считает Дэвид-Фокс, стало началом конца [Дэвид-Фокс 2015: 71]. Уникальный советский эксперимент по творческому воспитанию «нового человека» закончился.

Библиография / References

- [Авербах 1936] — *Авербах И.Л.* От преступления к труду: [Опыт анализа и обобщения методики работ в области «перековки» в Дмитровском и других исправительно-трудовых лагерях] / Под ред. А.Я. Вышинского. М.: Акад. наук СССР, 1936.
- (*Averbakh I.L.* Ot prestupleniya k trudu: [Opyt analiza i obobshcheniya metodiki rabot v oblasti "perekovki" v Dmitrovskom i drugih ispravitel'no-trudovykh lageriyakh] / Ed. by A.Ya. Vyshinskij. Moscow, 1936.)
- [Горький и др. 1936] — *Болшевы. Очерки по истории Болшевской коммуны им. Г.Г. Ягоды трудкоммун НКВД* / Под ред. М. Горького, К. Горбунова, М. Лузгина. М.: ОГИЗ «История фабрик и заводов», 1936.
- (*Bolshevtsy. Ocherki po istorii Bolshhevskoy im. G.G. Yagody trudkommuny NKVD* / Ed. by M. Gorky, K. Gorbunov, M. Luzgin. Moscow, 1936.)
- [Вечерняя Москва 1926] — *Вечерняя Москва*. 1926. 6 сентября.
- (*Vechernyaya Moskva*. 1926. September 6.)
- [Горький 1933] — *Горький М.* Публицистические статьи. М.: ОГИЗ, 1933.
- (*Gorky M.* Publitsisticheskie stat'i. Moscow, 1933.)
- [Горький 1950] — *Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 7. *Мать* (1906). М.: Гос. изд-во худ. лит., 1950.
- (*Gorky M.* Sbranie sochineniy: In 30 vols. Vol. 7. *Mat'* (1906). Moscow, 1950.)
- [Горький 1952] — *Горький М.* По Союзу Советов (1929) // *Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 17. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1952. С. 113—232.
- (*Gorky M.* Po Soyuzu Sovetov (1929) // *Gorky M.* Sbranie sochineniy: In 30 vols. Vol. 17. Moscow, 1952. 113—232.)
- [Горький 1953] — *Горький М.* От «врагов общества» — к героям труда (1936) // *Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1953. С. 507—511.
- (*Gorky M.* Ot "vragov obshchestva" — k geroyam truda (1936) // *Gorky M.* Sbranie sochineniy: In 30 vols. Vol. 27. Moscow, 1952. P. 507—511.)
- [Горький 1994] — *Неизвестный Горький (К 125-летию со дня рождения)* / Под ред. В.С. Барахова. М.: Наследие, 1994.
- (*Neizvestnyy Gorky (K 125-letiyu so dnya rozhdeniya)* / Ed. by V.S. Barakhov. Moscow, 1994.)
- [Дзержинский 1921] — *Приказ Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. № 23.* Москва. 1921. 27 января.
- (*Prikaz Vserossiyskoy Chrezvychaynoy Komissii. № 23.* Moscow. 1921. January 27.)
- [Дьюи 2000] — *Дьюи Дж.* Впечатления о Советской России / Пер. с англ. М.Г. Иващенко; под ред. Н.С. Юлиной // *История философии*. 2000. № 5. С. 224—269.
- (*Dewey J.* Impressions of Soviet Russia and the Revolutionary World // *Istoriya filosofii*. 2000. № 5. P. 224—269. — In Russ.)
- [Дьюи, Дьюи 1918] — *Дьюи Дж., Дьюи Э.* Школы будущего. М.: Тип.-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1918.
- (*Dewey J.* Schools of Tomorrow. Moscow, 1918. — In Russ.)
- [Дэвид-Фокс 2015] — *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921—1941 годы / Пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

- (David-Fox M. Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921—1941. Moscow, 2015. — In Russ.)
- [Жаров 1967] — *Жаров М.* Жизнь, театр, кино. Воспоминания. М.: Искусство, 1967.
- (Zharov M. Zhizn'm teatr, kino. Vospominaniya. Moscow, 1967.)
- [Известия 1928] — Приезд американских ученых в СССР // Известия. 1928. 7 июля.
- (Priezd amerikanskikh uchenykh v SSSR // Izvestiia. 1928. July 7.)
- [Ионин 1924] — *Ионин И.В.* Школа-коллония (коммуна). Педагогический сборник по сельско-хозяйственному уклону в трудовой школе / Под ред. Н.А. Кузнецова. Л.: Изд-во Книжного сектора Губоно, 1924.
- (Ionin I.V. Shkola-koloniya (kommuna). Pedagogicheskiy sbornik po sel'sko-khozyaystvennomu uklonu v trudovoy shkole. Leningrad, 1924.)
- [К.Р. 1931] — *К.Р.* Фильм о беспризорниках или беспризорный фильм // Известия. 1931. 10 мая.
- (K.R. Fil'm o besprizornikakh ili besprizornyy film // Izvestiya. 1931. May 10.)
- [КПСС в резолюциях 1984] — Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе. 25 августа 1931 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: 1929—1932. Т. 5 / Под общ. ред. А.Г. Егорова и К.М. Боголюбова. М.: Изд-во полит. лит., 1984. С. 353—361.
- (Postanovlene TsK VKP(b) o nachal'noy i srednei shkole // Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TSK: 1929—1932. Vol. 5 / Ed. by A.G. Egorov, K.M. Bogoliubov. Moscow, 1984. P. 353—361.)
- [Ленинские искры 1934] — В кузнице новых людей // Ленинские искры. 1934. 27 ноября.
- (V kuznitse novykh lyudey // Leninskie iskry. 1934. November 27.)
- [Ленинградская правда 1934] — Ленинградская правда. 1934. 23 ноября.
- (Leningradskaya pravda. 1934. November 23.)
- [Луначарский 1976а] — *Луначарский А.В.* Воспитание нового человека (1928) // О воспитании и образовании / Сост. Э.Д. Днепров, К.С. Еринова, Ф.С. Озерская. М.: Педагогика, 1976. С. 269—299.
- (Lunacharskiy A.V. Vospitanie novogo cheloveka (1928) // O vospitanii i obrazovanii / Comp. by E.D. Dneprov, K.S. Erinova, F.S. Ozerskaya. Moscow, 1976. P. 269—299.)
- [Луначарский 1976б] — *Луначарский А.В.* О воспитании человека нового общества (1925) // Наука и жизнь. 1976. № 3. С. 55.
- (Lunacharskiy A.V. O vospitanii cheloveka novogo obshchestva (1925) // Nauka i zhizn'. 1976. № 3. P. 55.)
- [Луначарский 1976в] — *Луначарский А.В.* Наши текущие задачи (Какая школа нужна пролетарскому государству) (1922) // О воспитании и образовании / Сост. Э.Д. Днепров, К.С. Еринова, Ф.С. Озерская. М.: Педагогика, 1976. С. 94—115.
- (Lunacharskiy A.V. Nashi tekushchie zadachi (Kakaya shkola nuzhna proletarskomu gosudarstvu) (1922) // O vospitanii i obrazovanii / Comp. by E.D. Dneprov, K.S. Erinova, F.S. Ozerskaya. Moscow, 1976. P. 94—115.)
- [Коммуна 2012] — Коммуна в Николо-Угреше г. Дзержинский Московской области. Документы, статьи, очерки, воспоминания. Дзержинский, Московская область: Информационный центр; Культурно-эстетический центр, 2012.
- (Kommuna v Nikolo-Ugreshe g. Dzerzhinskiy Moskovskoy oblasti. Dokumenty, stat'i, ocherki, vospominaniya. Dzerzhinskiy, Moscow region, 2012.)
- [Марголит 2015] — *Марголит Е.* «Свой! В натуре!» «Путевка в жизнь» как образец «общественного заказа» // Сеанс. 2015. 13 сентября (<https://seance.ru/articles/svoj-v-nature/> (дата обращения: 19.01.2020)).
- (Margolit E. "Svoy! V nature!" "Putevka v zhizn'" kak obrazets "obshchestvennogo zakaza" // Seans. 2015. September 13 (<https://seance.ru/articles/svoj-v-nature/> (accessed: 19.01.2020)).)
- [Михайлов 1931] — *Михайлов А.* «Путевка в жизнь» // Пролетарское кино. 1931. № 5—6. 1 мая.
- (Mikhailov A. "Putevka v zhizn'" // Proletarskoe kino. 1931. № 5—6. May 1.)
- [Нин 1931] — *Нин И.О.* Почетный диплом. М.; Л.: Молодая гвардия, 1931.
- (Nin I.O. Pochetnyy diplom. Moscow, Leningrad, 1931.)
- [Отводный 1932] — *Отводный А.* В кузнице нового человека. М.; Иваново: Партиздат, 1932.
- (Otvodnyy A. V kuznitse novogo cheloveka. Moscow, 1932.)
- [Погребинский 1928] — *Погребинский М.С.* Трудовая коммуна ОГПУ. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
- (Pogrebinskiy M.S. Trudovaya kommuna OGPU. Moscow; Leningrad, 1928.)
- [Погребинский 1929] — *Погребинский М.С.* Фабрика людей. М.: Огонек, 1929.
- (Pogrebinskiy M.S. Fabrika lyudey. Moscow, 1929.)
- [Юлина 2000] — *Юлина Н.С.* Об очерке Джона Дьюи «Впечатления о Советской Рос-

- сии» // История философии. 2000. № 5. С. 270—275.
- (Yulina N.S. Ob ocherke Johna Dewey "Vpechatleniya o Sovetskoy Rossii" // Istoriya filosofii. Moscow, 2000. № 5. P. 270—275.)
- [Янушкевич 2011] — Янушкевич Р. Великий немой заговорил. Фрагменты воспоминаний // Киноведческие записки. 2011. № 98 (<http://www.kinozapiski.ru/data/home/articles/attache/52-65.pdf> (дата обращения: 19.01.2020)).
- (Yanushkevich R. Velikiy nemoy zagovoril. Fragmenty vospominaniy // Kinovedcheskie zapiski. 2011. № 98 (<http://www.kinozapiski.ru/data/home/articles/attache/52-65.pdf> (accessed: 19.01.2020)).)
- [Bowen 1965] — Bowen J. Soviet Education: Anton Makarenko and the Years of Experiment. Madison, 1965.
- [Dewey 1922] — Dewey E. The Dalton laboratory plan. New York: E.P. Dutton & Co., 1922.
- [Dewey 1897] — Dewey J. My Pedagogic Creed by John Dewey // School Journal. 1897. January. Vol. 54. P. 77—80.
- [Dewey 1984a] — Dewey J. Impressions of Soviet Russia // John Dewey: The Later Works: In 17 vols. Vol. 3: 1927—1928. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1984. P. 203—250.
- [Dewey 1984b] — Dewey J. The Public and Its Problems // Dewey J. The Later Works. Vol. 2: 1925—1927. Essays, reviews, miscellany, and "The public and its problems" (Collected Works of John Dewey). Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1984. P. 235—372.
- [Dewey 1985a] — Dewey J. Democracy and Education // Dewey J. The Middle Works of John Dewey. Vol. 9: 1916. Democracy and Education (Collected Works of John Dewey). Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1985.
- [Dewey 1985b] — Dewey J. Making Soviet Citizens. Review of Thomas Woody New Minds: New Man? And Nicholas Han's History of Russian Educational Policy // Dewey J. The Later Works. Vol. 6: 1931—1932. Essays, Reviews, and Miscellany (Collected Works of John Dewey). Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1985. P. 291—294.
- [Martin 2002] — Martin J. The Education of John Dewey. A Biography. New York: Columbia University Press, 2002.
- [Margulies 1968] — Margulies S. The Pilgrimage to Russia: the Soviet Union and its Treatment of Foreigners, 1925—1957. Madison: University of Wisconsin, 1968.
- [Potamkin 1932] — Potamkin A. Tendencies in the Soviet Films // New Masses. 1932. Vol. VII. № 12. P. 18.
- [Soboleva, Wrenn 2012] — Soboleva O., Wrenn A. The Only Hope of the World: George Bernard Shaw and Russia. Oxford; Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York; Wien: Peter Lang AG, 2012.
- [State Department 1928] — (06418): Francis Ralston Welsh to State Dept. Collection: Diplomatic Branch. Document: TD. Notes: Stamped "EASTERN EUROPEAN AFFAIRS | MAY 19, 1928 | DEPARTMENT OF STATE"; "RECEIVED | MAY 21, 1928 | Dept. of State" (Special Collection Research Center, Southern Illinois University Carbondale).
- [Vatulescu 2010] — Vatulescu C. Secret Police Shots at Filmmaking: The Gulag and Cinema // Vatulescu C. Police Aesthetics: Literature, Film, and the Secret Police in Soviet Times. Stanford University Press, 2010. P. 123—160.
- [Woody 1932] — Woody Th. New Minds: New Men? The Emergence of the Soviet Citizen. New York: Macmillan Co., 1932.